



ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 340.132

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-214-222

Категория правосознания в философской и юридической теории: методологический аспект

Контарев А.А.

Ростовский юридический институт МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

Аннотация. Автор прослеживает эволюционный генезис понятия правосознания в российском правоведении в период с конца XIX в. до современности. Основная идея автора состоит в том, что первоначально понятие правосознания использовалось с целью обновления правовой теории в соответствии с постклассической парадигмой научного познания, преодолевающей объективизм классических типов правопонимания, но категориальное значение оно получило в диалектико-материалистической философской теории и теории государства и права СССР для того, чтобы теоретически обосновать нормативизм и этатизм юридической доктрины, легитимировать ее консервативный характер. Автор приходит к выводу о том, что применение категории правосознания в современной теории выглядит как попытка соединения типов правопонимания, имеющих разную природу и источники происхождения. В связи с этим необходимо переосмысление данной категории и ее значения в контексте решения задач современной философии и фундаментальной правовой теории.

Ключевые слова: категория правосознания, правопонимание, юридический нормативизм, постклассическая парадигма научного познания, объективизм классического правопонимания, юридическая доктрина.

Для цитирования: Контарев А.А. 2021. Категория правосознания в философской и юридической теории: методологический аспект. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 214–222. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-214-222

Category of legal consciousness in philosophy and juridical theory

Anatoly A. Kontarev

Rostov Law Institute of the ministry of internal Affairs of Russia
83 Eremenko St, Rostov-on-Don, 344015, Russia
E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

Abstract. The article analyzes particular and general ways of interpretation and implementation of legal consciousness category in philosophy and juridical theory. The author looks the evolutionary genesis of legal consciousness concept in Russian law theory and philosophy, beginning from the end of XIX century and to the contemporary times. The main idea of the article is that firstly the concept of legal consciousness used to renew law theory with respect to past-classic paradigm of scientific knowledge overcoming objectivism of classic kinds of law understanding. But it gets category meaning in dialectic-materialistic philosophy theory and theory of state and law of USSR to found juridical normativism and etatism of official juridical doctrine and legitimate conservative character of it. The author comes to conclusion that



the implementation the category of legal consciousness to contemporary theory of law looks as attempt to join together models of legal understanding which has different nature and different springs of happening. With respect to this problem author suggests to rethink this category in the context of tasks of contemporary philosophy and fundamental law theory.

Key words: category of legal consciousness, legal understanding, juridical normativism, past-classic paradigm of scientific knowledge, objectivism of classic law understanding, juridical doctrine.

For citation: Kontarev A.A. 2021. Category of legal consciousness in philosophy and juridical theory. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 214–222 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-214-222

Категория правового сознания давно вошла в научный оборот современной отечественной философии и юридической науки, выражая теоретико-методологические особенности этих областей знания. В значительной степени она отражает специфику интерпретации их предметной области и стоящих перед ними задач, являясь следствием и одновременно результатом методологических начал изучения духовных процессов, протекающих в сфере правовой действительности. Необходимо отметить, что обращение к феномену правового сознания российских теоретиков права было распространенным явлением уже в конце XIX в. Очевидно, это было связано со стремлением преодолеть объективизм классических типов правопонимания, не соответствующих новой научной парадигме, формирующейся в российской фундаментальной правовой теории, что, как правило, сопровождалось критикой классических школ юриспруденции с принципиально новых теоретико-методологических позиций. Так, позитивизм в юриспруденции, рассматривавший право как норму (закон), в значительной степени отождествляя его с законодательством, подвергался критике с позиции признания необходимости введения в контекст права субъективного элемента, рассматривавшегося в качестве решающего фактора правового поведения и порой сущности права.

Такие попытки преодоления объективизма классического стиля научного мышления вполне отвечали культивировавшимся в гносеологии этого времени идеям, в частности, представленным эмпириокритицизмом. Неокантианство оставило свой след в этом процессе как апелляция философов права к сверхчувственным сущностям в виде правового идеала, выступавшего образом должного, которое, хотя интерпретировалось в контексте историчности, оставалось по своей сущности естественным правом, но с изменяющимся содержанием. Можно сказать, что объективизм школы естественного права, состоявший в признании совокупности присущих человеку от рождения неотчуждаемых прав, имеющих универсальное значение для человеческой цивилизации, проистекая из интерпретации его сущности, преодолевался посредством введения в оборот категории правового идеала, делавшего его не столько фактом сознания, сколько фактором духовной жизни личности и общества.

Некоторые теоретики права усматривают влияние идей эмпириокритицизма уже в общей теории права Н.М. Коркунова, который вводит понятие «психического элемента» в контекст интерпретации сущности права, позволяющего исключить объективизм в его толковании и объясняющего механизм восприятия права, обуславливающего правовое поведение личности [Пегова, 2018]. При этом существенным представляется апелляция теоретика не только к механизмам восприятия социальной действительности, где психологическая сторона очень важна, но и сущностной стороне социальности, в которую включен указанный «психический» субъективный компонент. Исходя из значения психологического начала в жизни общества, Н.М. Коркунов строил критику классического позитивизма, не учитывавшего этого существенного фактора. Так, характеризуя учение О. Конта, он писал:



«...Отрицание самой возможности существования психологии особенно удивительно со стороны мыслителя, так много сделавшего для создания социологии и придававшего ей такое важное значение, как Конт. Психологическая сторона нигде не имеет такого преобладающего значения, как именно в явлениях общественности. Наша духовная жизнь сама складывается главным образом под влиянием социальных явлений; наши нравственные и научные убеждения всасываются нами из окружающей нас социальной среды и, в свою очередь, сам духовный склад каждого наличного поколения людей есть важнейший социальный фактор. И сам Конт этим отрицанием психологии и особых психологических законов, поставил себя, конечно, в неразрешимое противоречие» [Коркунов, 1915, с. 460].

Рассматривая право как о социальный феномен, Н.М. Коркунов критикует взгляд, согласно которому оно представляет совокупность отношений, регулируемых социально одобряемыми нормами. Слабость такого взгляда, по его мнению, в том, что люди рассматриваются как элементы бездушного механизма, работа которого кем-то задана. На самом деле право не есть явление механического порядка, оно невозможно без представления о заранее определенном порядке отношений, носителями которого являются люди, обладающие сознанием. Он пишет: «...Для возможности отличать право от всякого иного наперед определенного порядка необходимо обратиться к психическому элементу и сознанию людей, к имеющемуся в их душе представлению о существовании такого наперед определенного порядка или защиты. Но если так, то, очевидно, для объяснения правовых явлений главное, первенствующее значение получает именно этот психический элемент, это убеждение о существовании наперед определенного порядка отношений» [Коркунов, 1915, с. 489].

Конечно, данные теоретические положения далеки от идеи «чистого опыта» Рихарда Авенариуса, который рассматривается им в качестве единственно возможного объекта познания [Авенариус, 1898]. Но тем не менее указание на ключевое значение сознания (представлений о праве), которое не только выступает в качестве объекта познания, но и является источником права, представляет собой то направление теоретико-правового мышления, которое вполне может быть сопряженным с указанной идеей.

Несомненно, более ярким примером подобной тенденции является психологическая теория права Л.И. Петражицкого, основанная на отрицании объективизма в правовой теории и признании права как исключительно психологического явления – императивно-атрибутивной эмоции, которую испытывают индивиды, вступающие в правоотношения. В контексте данной теории познание права есть познание данных эмоциональных состояний, обуславливающих правовое поведение, то есть поведение, обусловленное представлениями об обязанностях и правах (полномочиях) в акте правоотношений. Позитивное право в данной конструкции отходит на второй план, нормы которого могут либо соответствовать, либо не соответствовать данным представлениям о праве (интуитивному праву). То обстоятельство, что именно сознание индивида, его психические переживания (то есть его индивидуальный опыт) становятся объектом изучения, очевидно, также дает основания для проведения аналогии данной теории с идеями эмпириокритицизма [Бухарова, 2014].

По оценкам некоторых исследователей, введение в оборот категории сознания в правовых исследованиях придает некоторую процессуальность отношению субъекта и объекта. Теперь право уже не может рассматриваться в качестве объекта, пассивно воспринимаемого субъектом, оно является результатом их взаимодействия [Тимошина, 2013]. Впрочем, у Н.М. Коркунова социальная действительность остается тем денотатом, который и придает содержание правовым представлениям. Но все же речь идет именно о представлениях, в которых присутствует субъективное начало в виде интереса, сквозь призму которого и рассматривается как вся социальная реальность, так и правовая действительность в частности.

Другой стороной этого процесса является обновление школы естественного права, придание ей социального звучания посредством введения аксиологического контекста, в котором происходит генезис и функционирование права (правового идеала). И.А. Ильин в



известной работе «О сущности правосознания» указал на духовную основу права, составляющую некоторый перечень основополагающих для человека и человечества ценностей, в контексте которых происходит оценка позитивно-правовых предписаний. Этот образ права – правовой идеал или «правое право», которое базируется на трех аксиомах-ценностях – духовное достоинство личности, автономия личности и взаимное признание личности [Ильин, 1994, с. 310].

Несмотря на стремление вскрыть фундаментальные для человеческой природы признаки духовности и их отражение в праве, И.А. Ильин, апеллируя к духовности (к ценностям), далек от рационализма классической школы естественного права и, соответственно, от ее объективизма в интерпретации права. Он полагает более насущной задачей выяснить не столько сущность права, сколько его социальный и духовный смысл, то есть его значение в социокультурном контексте бытия личности.

По мнению автора настоящей статьи, с большей определенностью указанная тенденция интерпретации правосознания нашла проявление у П.И. Новгородцева, известного в качестве основателя школы возрожденного естественного права. Собственно, возрождение этой школы было возможно лишь посредством ее обновления, которое состояло в отказе от рационализма и обусловленного им универсализма толкования права как единого для всех времен и народов. Новгородцев вводит в контекст своей теории элемент историчности, благодаря чему право рассматривается в социокультурном значении, придающем ему содержание и смысл. Концепт естественного права с изменяющимся содержанием таким образом стал основным признаком данной школы, получившей значительное распространение, прежде всего, в либеральной среде. Теоретик убежден в исторической обусловленности социокультурных основ права, их преходящем характере, необходимости развития этих начал в соответствии с требованиями времени. Давая оценку состоянию правового сознания начала прошлого века, он подчеркивает, что его кризис обусловлен именно необходимостью деконструкции устаревших правовых основ. В связи с этим он пишет: «Прежняя вера во всемогущую силу правовых начал, в их способность утвердить на земле светлое царство разума, отжила свое время. Опыт XIX столетия показал, что право само по себе не в силах осуществить полное преобразование общества. Но в то же время, как для одних этот опыт служит поводом к отрицанию всякого значения права, для других он является свидетельством необходимости восполнить и подкрепить право новыми началами, расширить его содержание, поставить его на уровень с веком, требующим разрешения великих социальных проблем... Не назад, а вперед обращены взоры творцов, и то, что открывается как идеал для будущего, есть новый и высший шаг в развитии правосознания» [Новгородцев, 1995, с. 338].

Очевидно, можно сказать, что, несмотря на различные концептуальные основания использования и интерпретации понятия «правовое сознание», оно содержит ряд признаков, свидетельствующих о его общем функциональном методологическом значении в философских и правовых теориях. К указанным признакам можно отнести:

- во-первых, эмоционально-волевой и идеальный характер, выражающейся в его интерпретации как предпосылки социально-правового действия, обусловленного идеальной конструкцией правовой действительности, концентрирующей в себе мотивированную системой ценностей рационально оформленную совокупность представлений о должном праве;
- во-вторых, процессуальность, выражающуюся в динамичном сочетании субъективных и объективных начал правового сознания, первые из которых выступают в виде психологических эмоциональных состояний, возникающих в результате восприятия правовых явлений и их оценки, а вторые – в виде социальных предпосылок этих оценок, в силу чего они не имеют четко определенных когнитивных границ, обладая свойством транзитивности;
- в-третьих, функциональность в отношении позитивного права, выражающаяся в оценке правосознания в качестве источника позитивного права либо в отождествлении его с правом, содержание которого формируется в результате трансляции в правовую



норму (закон) содержания правового сознания в виде представлений о должном праве – правового идеала.

В то же время следует констатировать и отличительные особенности концепта правового сознания в философских и фундаментальных юридических теориях, несмотря на отсутствие четких границ между ними. Так, философская интерпретация, как правило, делает методологический акцент на правовом идеале, выступающем не только содержательной основой должного права, но и объясняющем природу соотношения правового сознания и права, где правосознание выступает предпосылкой права. Юридическая интерпретация основана на выяснении его значения в объяснении правового поведения индивида, обусловленного его представлениями о праве. Порой это приобретает форму апелляции к правовому сознанию как к «подлинному» праву, которому может противоречить позитивное право. Так или иначе основной вопрос, на который пытались дать ответ упомянутые выше правоведы, состоит в том, как соотносятся правовое сознание, являющееся по своей природе субъективным явлением, и право. Существенная историческая особенность ответа на этот вопрос состояла в постулировании отсутствия между ними принципиальных отличий в том смысле, что между ними их не должно быть, так как содержательной основой права должен быть правовой идеал.

Подводя предварительные итоги, нужно сказать, что характерная для перехода к постклассической философии и науке в целом тенденция включения в круг познаваемых объектов духовного опыта личности и общества в гносеологической сфере означала отказ от классической корреспондентской теории истины как соответствия мысли (высказывания) действительности (вещи), а в правоведе приобрела форму исследовательской ориентации на понимание смысла, а не познание сущности права. Это обернулось апелляцией к сознанию индивида, из горизонта которого интерпретировалась правовая действительность. Важной научной задачей становится изучение отношения к праву, объясняющего правовое поведение. Сам термин «правовое сознание» вводился в научных оборот правоведа посредством отражения субъективной стороны правоотношений, приобретающей решающее значение в праве. Так, согласно общей линии интерпретации проблемы, отождествление права с законом (нормой) не отвечает его природе как духовного явления, включающего ценности, интересы, представления о том, каким должно быть право (правовые убеждения) и пр. Норма лишь тогда является правом, когда в полной мере содержит эти духовные основания. Тем не менее можно указать на два принципиально важных признака данного понятия, очевидно, легших в основу его категориального определения: оно рассматривается в качестве элемента духовной жизни личности и общества и выражает отношение к правовой действительности. В этом смысле важность изучения правосознания осмысливалась не только в контексте раскрытия механизма правового поведения, но и в контексте решения проблемы правового воспитания.

Несмотря на то, что понятие правового сознания, безусловно, присутствовало в философском и теоретико-правовом дискурсе XIX – начала XX в., оно не имело категориального значения, выражающего форму теоретического мышления, объектом которого является право. Очевидно, методологически это было не только малопродуктивным, но и не соответствовало формируемому стилю постклассического мышления, не столько предполагавшего, сколько исключавшего категориальность анализа, присущего классической эпохе.

Категориальное значение правосознание приобретает в марксистской диалектико-материалистической философии и соответствующей правовой теории, во многом опирающейся на постулаты материалистически переосмысленной, прежде всего, философии Гегеля. Методологическая роль данной категории состояла в установлении первичности правового сознания по отношению к правовому бытию и, соответственно, в обосновании положения о том, что содержанием правового сознания является правовое бытие, отождествляемое с позитивным правом. Необходимо сказать, что советские философы и теоретики



права создали мощный теоретический пласт, представляющий собой развернутое обоснование указанных положений. Но советская теория правосознания по своей сути была идеологически мотивирована, что объясняет многие ее особенности и пределы применения. Является очевидным то, что основной предпосылкой и результатом разработки и применения данной теории был советский юридический нормативизм и этатизм.

Примечательным является сама логика постановки проблемы правового сознания представителями данной уходящей своими корнями в классическую эпоху традиции. Правовое сознание является одной из форм общественного сознания. При этом отмечалось, что применение понятия «форма сознания» является методологически более корректным, в силу того, что форма всегда предполагает содержание. Один из авторов известного учебника по философии уже уходящей советской эпохи писал: «В нашей философской литературе встречается утверждение, что термин «форма» устарел, что его можно заменить понятием «вид», «сфера» общественного сознания и т.д. Однако это утверждение не представляется верным, ибо данные понятия не несут в себе философского содержания» [Введение в философию, 1990, с. 452]. Так, содержанием правового сознания является право вместе со всеми сопутствующими ему институциональными образованиями, поскольку в правовом сознании не может быть ничего иного, кроме правового бытия. Поэтому «... правосознание представляет собой результат отражения (мысленного воспроизведения) права в сознании людей (общества, классов, индивидов), воплощаемый в совокупности знаний и оценок как относительно самого права, так и опосредующих его социальных институтов (государства, законности, правопорядка и др.). Фактором, оказывающим решающее влияние на идеологическое содержание этих знаний и оценок, является классовый интерес (экономический, политический и т.д.) творцов и носителей правосознания» [Мамут, 1996, с. 115].

Таким образом, категория правосознания фиксирует отношение субъекта, в качестве которого выступают индивид, социальные группы, общество и объекта, под которым понимается право, формой которого является отражение – перенос качеств, свойств и состояний объекта в субъект в виде переживаний, представлений, знаний об объекте отражения. В зависимости от глубины отражения права, оно осуществляется на обыденном и теоретическом уровнях, которым соответствует правовая психология и правовая идеология. Если правовая психология, выражаясь в совокупности «чувств, привычек, настроений, традиций, в которых выражается отношение различных социальных групп, профессиональных коллективов, отдельных индивидов к праву...» [Хропанюк, 1997, с. 204], является поверхностным и противоречивым отражением права, часто порождая заблуждение, то правовая идеология, являясь теоретической формой отражения, вырабатывает объективную истину о нем. Она представляет собой систему «юридических идей, теорий, взглядов, которые в концептуальном, систематизированном виде отражают и оценивают правовую реальность» [Синюкова, 2001, с. 614].

Философские основания этой советской юридической теории базируются на признании главенства принципа отражения, устанавливающего природу и сущность отношения сознания индивида и права, где право выступает в виде объекта, а индивид, социальная группа или общество в виде субъекта отражения. Ее методологические основания состоят в объективизме как принципе познавательной деятельности и, соответственно, в корреспондентской теории истины, характерной для классической эпохи. Учитывая, что еще в конце прошлого века русские правоведы утратили интерес к такому классическому подходу и в соответствии с веянием времени и требованиями новой нарождающейся научной парадигмы, предложили альтернативу, признаки которой были очерчены выше, неизбежно возникает вопрос о том, почему, спустя некоторое время, произошел возврат к старой классической модели. По мнению автора настоящей статьи, это объясняется консерватизмом советской правовой политики, начало которого относится к 30-м годам прошлого века. Вплоть до этого времени российское правоведение изобиловало новыми идеями, которые, по оценкам исследователей, внесли немалый вклад в развитие правовой науки. Прежде



всего следует указать на развитие психологической и социологической школы права, представители которой составляли цвет русского послереволюционного правоведения. Но идеи Л.И. Петражицкого, хотя и были революционно переосмыслены, содержали в себе значительный элемент революционности, который перестал быть востребованным в контексте усиления тоталитаризма. Итогом этого процесса является известное всесоюзное совещание по вопросам теории советского государства и права, принявшее сформулированную тогдашним прокурором СССР А.Я. Вышинским нормативно-этикетную модель правопонимания, ставшим официальной основой советской правовой доктрины вплоть до распада СССР. Оно гласило: «Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также санкционированных государственной властью обычаев и правил общежития, осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу».

Так, нормативная правовая доктрина, будучи консервативной по своей сущности в той же степени, в какой консервативен юридический позитивизм, требовала своей легитимации в виде теоретического обоснования закономерности советского правового порядка как исторически наиболее прогрессивного, соответствовавшего эволюции человеческой цивилизации, частью которого является реализация интересов господствующего класса. Теория правового сознания становится важным инструментом решения этой задачи, провозглашая единственно истинной лишь официальную правовую идеологию, отмечая все альтернативные идеи и представления о праве как феномен заблуждения, объясняемый поверхностностью отражения правовой действительности на обыденном уровне сознания (правовая психология). В этом заключается функциональное назначение категории правосознания в системе марксистско-ленинской философии, устанавливающей мировоззренческие ориентиры для других наук, в том числе и в первую очередь для советской теории государства и права, которая фактически дублирует эти положения в соответствии с более узкими задачами этой отрасли знания. Один из уже цитированных выше теоретиков права 80-х годов прошлого века так определяет методологические границы данной категории: «Правовое сознание изучается в рамках различных научных дисциплин, соответственно, в разных ракурсах, под разными углами зрения. Правоведы исследуют его преимущественно как совокупность представлений, мотивирующих правомерное (либо противоправное) поведение, как систему взглядов, служащих источником для законотворческого процесса, включенных в деятельность по реализации законодательства, применению и соблюдению права...» [Мамут, 1986, с. 108]. Вопросы же, входящие в компетенцию философии, «... касаются соотношения общественного бытия и правосознания, обстоятельств порождения (производства) правосознания, его смыслового ядра, структуры и уровней, его связи с другими формами общественного сознания, каналов влияния на общественную практику» [Мамут, 1986, с. 108].

Можно сказать, что категориальный статус понятия «правосознание» является порождением советской идеологической доктрины, в которой эта категория играла роль легитимирующего фактора в виде теоретической философской и правовой конструкции, обосновывающей советский правовой нормативизм, являющийся современной формой консервативного по своему характеру юридического позитивизма. Следует также отметить, что философская и правовая теории правового сознания никогда не рассматривались в качестве самостоятельных, решающих исключительно свои задачи, возникших и функционировавших независимо друг от друга. Это была одна система знания, где философии отводилась роль формулирования мировоззренческих начал, а правовой теории – их реализация в идеологически значимых отраслях юридического знания.

Необходимо подчеркнуть, что советская теория правосознания, несмотря на апелляцию к классической традиции, несет в себе ряд идей дореволюционных теоретиков права,



не только провозглашая важность изучения духовной сферы жизни общества, но и настаивая на относительной самостоятельности идей и теорий, которые могут оказывать влияние на правовую действительность (как плодотворное, так и не плодотворное). Но сутью данной теории всегда оставался классовый подход, характерный для всего марксистского общественнознания, который в теории правосознания выразился как признание единственно истинной лишь идеологию пролетариата. То есть отражение социальной действительности в форме теорий, концепций, доктрин опосредованно классовым интересом, который, приобретая статус официальной идеологии, интерпретируется как объективная истина. Так, один из советских теоретиков следующим образом характеризует социалистическое правосознание: «Социалистическое правосознание, получившее полный простор для своего развития после пролетарской революции, тесно связано с социалистическим правом, которое носит научный характер и выражает интересы всех трудящихся. Основные принципы социалистического правосознания в целом совпадают с индивидуальным правосознанием» [Спиркин, 1964, с. 457].

Чрезмерная идеологизация данной сферы, классовая трактовка природы правосознания, чему отвечала его философская концепция, в теории государства и права приобрели форму «партийности». В одном из учебников советской эпохи читаем: «Принцип партийности теории государства и права – это ее идейное содержание. Он предполагает свободное научное исследование, если иметь в виду честное, искреннее служение интересам рабочего класса, всех прогрессивных социальных сил, строго объективное изучение предмета» [Теория государства и права, 1980, с.35].

В контексте сказанного необходимо отметить, что категориальное использование понятия правосознания в философской и юридической теории выражает историческое своеобразие эволюции этих областей знания в условиях идеологизации сферы социально-гуманитарного знания. В этом смысле современное категориальное использование данного понятия, часто опирающееся на теоретические разработки ушедшей эпохи, должно учитывать теоретико-методологические источники этой категории, природу правопонимания его породившего. Принимая же во внимание концептуальные и методологические потребности использования понятия правосознания современной теорией государства и права, нужно констатировать необходимость обновления его философской базы на основе современных теорий сознания, давно известных искушенному сообществу российских философов и теоретиков права.

Список источников

1. Коркунов Н.М. 1915. История философии права: пособие к лекциям. СПб., 502 с.
2. Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. В 2 ч. Под ред. И.Т. Фролова. Часть 1. М., Политиздат, 1990, 367 с.
3. Хропанюк В.Н. 1997. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М., 377 с.
4. Спиркин А.Г. Курс марксистской философии. М., Соцэкгиз, 1964, 503 с.
5. Теория государства и права: учебник. Под ред.: Денисов А.И. - М.: Юрид. лит. М., 1980, 532 с.
6. Синюкова Т.В. 2001. Правосознание и правовое воспитание. В кн.: Теория государства и права. Курс лекций. М., 337–344.

Список литературы

1. Пегова Н.Э. 2018. Теоретико-правовая методология в концепции общей теории права Н.М. Коркунова: Дисс... канд. юрид. наук. Курск, 180 с.
2. Авенариус Р. 1898. Введение в критику чистого опыта. Перевод с нем. И. Федорова. В 2-х томах. Т. 1. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 145 с.
3. Бухарова И.В. 2014. Психологическая теория правового воздействия Л.И. Петражицкого: теоретико-методологический анализ: Дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 192 с.



4. Тимошина Е.В. 2013. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Дисс... д. юрид. наук. М., 556 с.
5. Ильин И.А. 1994. О сущности правосознания. Собр. соч. т. IV. М., 151–414.
6. Новгородцев П.И. 1995. Кризис современного правосознания. Сочинения. М., 393 с.
7. Мамут Л.С. 1986. Правосознание. В кн.: Общественное сознание и его формы. М., Политиздат, 367 с.

References

1. Pegova N.E. 2018. Teoretiko-pravovaya metodologiya v kontseptsii obshchey teorii prava N.M. Korkunova [Theoretical and legal methodology in the concept of the general theory of law by N.M. Korkunova]: Diss... kand. yurid. nauk. Kursk, 180 p.
2. Avenarius R. 1898. Vvedeniye v kritiku chistogo opyta [Introduction to the criticism of pure experience]. Perevod s nem. I. Fedorova. V 2-kh tomakh. T. 1. SPb., tip. M.M. Stasyulevicha, 145 p.
3. Bukharova I.V. 2014. Psikhologicheskaya teoriya pravovogo vozdeystviya L.I. Petrazhitskogo: teoretiko-metodologicheskii analiz [Psychological theory of legal impact L.I. Petrazhitsky: theoretical and methodological analysis]: Diss... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 192 p.
4. Timoshina Ye.V. 2013. Teoriya i sotsiologiya prava L.I. Petrazhitskogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogo pravoponimaniya [Theory and Sociology of Law L.I. Petrazhitsky in the context of classical and postclassical legal thinking]: Diss... d. yurid. nauk. M., 556 p.
5. Il'in I.A. 1994. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. Sobr. soch. t. IV. M.: 151–414.
6. Novgorodtsev P.I. 1995. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. Sochineniya [The Crisis of Modern Legal Awareness. Compositions]. M., 393 p.
7. Mamut L.S. 1986. Pravosoznaniye [Legal Awareness]. V kn.: Obshchestvennoye soznaniye i yego formy. M., Politizdat, 367 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Контарев Анатолий Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Kontarev, Doctor of philosophy, professor, Head of the Department of the humanitarian and socio-economic disciplines, Rostov Law Institute of the ministry of internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia